

A dramatic landscape painting. In the upper right, a lighthouse with a red roof sits atop a grassy cliff. The cliff face is steep and rocky, with waves crashing at its base. The sea is turbulent, with white-capped waves rolling in. In the foreground, a lone figure in a dark cloak stands on a rocky path, looking out at the ocean. The sky is filled with large, billowing clouds, and a large, glowing sun or moon hangs in the upper center, casting a warm light over the scene. Numerous birds are seen flying across the sky.

Леся Данич

Маяк

Леся Данич Маяк

<https://litres.ru/73906293>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если однажды тебе доведётся оказаться в безлюдном месте, омываемом океаном, без памяти о том, кто ты, без надежды на спасение? Что, если неведомый рок приоткроет завесу памяти, показав твой проступок, которому невозможно найти оправдание? Что тогда удержит тебя на плаву: свет неведомого маяка или молчаливая спутница из иного мира, такая же потерянная, как ты сам?

Леся Данич

Маяк

Маяк

Леся Данич

Вступление

Он лежал на большом, отполированном прибором камне, укрытый охапкой водорослей. В трёх метрах от него сидела чайка, с любопытством наблюдая слабые признаки жизни. Он попробовал повернуть голову, чтобы лучше рассмотреть её, но резкая боль в плече заставила застонать и забыть о птице. Та яростно вскрикнула и, раскрыв крылья, рванула ввысь и в сторону, исчезнув из поля зрения.

За точкой, где сидела крикунья, открылся новый вид, и он был неожиданным.

На расстоянии полутора сотен метров стоял маяк. Определённо это был он. Никогда прежде Боден не видел маяк живую и не был в местах, где таковые имелись. Однако характерная сигарообразная башня, возвышавшаяся над исполинскими валунами, ничем иным быть не могла.

Он попытался сглотнуть, но язык лишь беспомощно потёрся о шершавое нёбо. Лежать посреди пространства, которое поминутно пытаются сожрать набегающие волны, где воздух пропитан влагой, ощущать жажду было настоящей

пыткой. Хуже боли, режущей тело на куски при каждом движении. Инстинкт сам подсказал самое важное — ему нужна вода, и он должен её найти как можно быстрее.

Если бы не безграничная мудрость природы, молодой мужчина так и остался бы лежать на камне, полный недоумения и жалости к своему положению. Но тело хотело жить, и оно ставило на ноги, когда те предательски подкашивались, хлестало вспышками боли, когда сознание накрывал туман беспамятства, драло наждачкой нутро, когда мысль о смерти становилась хоть чуточку слаще.

Он шёл и шёл, пока в какой-то момент дверь, словно потусторонняя иллюзия, не выросла прямо перед его глазами. Боден приложился к деревянной поверхности лбом и руками, впитывая жизненную силу из бывшего когда-то живым дерева. Если он и найдёт спасение, то оно за ней. «Дверь обетованная», — мягко, как глоток воды, скользнула мысль в висках.

Провидение было на стороне человека — дверь запирала кочерга, заведённая в ручку-петлю. Вынимая её, Боден снял кожу с большого пальца, но даже не заметил этого. Железяка с глухим звуком упала возле входа. Дверь скрипнула, и маяк дыхнул в лицо неожиданному гостю чем-то чужим и кислым.

Внутри было непривычно тихо после прибрежного галдежа чаек и волн. Полумрак действовал успокаивающе. Непреодолимо захотелось лечь и уснуть. Боден уже было ре-

шил послушаться этого желания, но одна деталь, проявившаяся из темноты, в одно мгновение смахнула морок. Спираль из ступеней серпантином поднималась, кружась и извиваясь, прямо в невидимое небо.

Бодена качнуло от вида бесконечной лестницы. Хватаясь за воздух руками, едва отрывая ноги от пола, он двинулся к стене, туда, где, в свете, идущем от двери, виднелась длинная скамья. Восемь шагов полного отчаяния, и он рухнул на неё под весом измождённого тела. «Это всё!» — мысленно поставил точку в своей жизни Боден. Запрокинул обессиленно голову, готовый и принявший мысль о смерти.

В установившейся тишине всё отчётливее зазвучал ритмичный звук. Он как стеснительный ребёнок, робко стучащий в дверь, смиренно ждущий, когда его услышат. Ресницы дрогнули, приоткрылись. Узнавание звука шло как лавина, когда сначала видишь картинку летящей вниз снежной махины, и только потом к ней присоединяется рокот стихии. Боден всем телом потянулся в сторону звука. «Вода!!!» — заорал мозг.

Возле дальней ножки скамьи на полу стоял ковш. Над его краем зависло отверстие трубы, уходящей куда-то вверх, как и лестница. «Кап, кап, кап...» — вытекало и падало с завидной регулярностью в ёмкость. И вот уже опустившись на колени, как перед покаянной молитвой, Боден взял ковш обеими руками для верности и начал жадно опрокидывать в себя спасительную влагу.

Вечернее солнце заглянуло в проём двери, разбудив путника. Неизвестно сколько он пролежал на скамье, подогнув колени и обхватив себя руками, но спина подсказала, что немало. Впрочем, это пробуждение уже не было таким невыносимым, как прошлое, на берегу.

Настало время осмотреться.

Подняться по лестнице казалось хорошей идеей — с высоты можно понять, где он находится, есть ли поблизости люди. Но Боден не был уверен, что сможет преодолеть — сколько там, метров тридцать? Наверняка нет. Зато он в состоянии осмотреть маяк внизу. Тем более что за изгибами лестницы виднелась дверь, ведущая куда-то ещё.

Хромая, скорчив обветренное лицо, он с трудом доковылял до цели и толкнул дверь единственным здоровым плечом.

Помещение, судя по обстановке, предназначалось для проживания смотрителя маяка. Здесь была кровать: простая, но добротная, застеленная клетчатым одеялом. У небольшого окна — стол. Под ним аккуратные стопки книг и бумаг. В тени угрюмо нахохлился пузатый комод. Единственное украшение комнаты на подоконнике — фигурка чайки на металлической ножке, навеки застывшая в немом крике с распростёртыми крыльями.

В целом комната выглядела так, словно дожидалась нового хозяина.

Из комнаты вела ещё одна дверь. За ней Боден нашёл кухню-кладовую. Тот же идеальный порядок при минимуме вещей. В выбеленной извёсткой нише мешки и ящики с провизией. Сквозь обрешётку тускло поблёскивали жестяные банки консервов. Вдоль стены целая батарея бутылей с водой.

На столе небольшой ящик с изображением красного креста на крышке. «О! Это кстати!» — оживился Боден. Внутри он нашёл обезболивающее средство и почти с наслаждением закинул в рот две таблетки.

Спустя четверть часа, проведя полную ревизию нижнего яруса маяка, он вышел наружу. Ветер, будто молодой бестолковый пёс, норовил сорвать с него куртку. С возвышенности, где располагался маяк, было видно, как злятся волны. Может, их целью был чудом уцелевший человек, смотревший теперь на них свысока, а может, это была давнишняя злость на всё это место, недоступное солёной стихии, как бы они ни бушевали.

«Вы хотя бы знаете, на кого хотите обрушить гнев. А что знаю я? Ничего. Ни как я здесь очутился, ни по чьей воле. У меня есть только имя, и, похоже, оно принесло мне нынче удачу», — с горечью признался самому себе Боден. (Прим. авт. Боден — скандинавское мужское имя, буквально означающее «нашедший убежище»).

Глава 1

Ночь была странной и долгой. Никак не удавалось полностью отключиться. Сквозь накатывающий рокот волн слы-

шались какие-то непривычные звуки, выбивающиеся из мерного ритма. То частые всплески, будто кто-то бил по поверхности водной глади вёслами, то свистящие трели, слишком громкие для птиц, если только они не размером с доброго пингвина. Может, это были какие-нибудь морские котики? Трудно гадать о том, в чём особо не разбираешься. Временами казалось, что звуки приближались, и будто даже превращались в отдельные слова на весьма экзотическом иностранном языке.

Он так устал вслушиваться в новый для себя мир, что, наконец, провалился в сон. Но и там его настигли неведомые прежде образы. Будто сидит перед ним существо с бело-голубой кожей столь прозрачной, что под ней виднеются тонкие красные прожилки. Длинные волосы скрывают часть лица и плечи. Мокрые пряди касаются груди и рук Бодена, пока изящные руки раскладывают на нём водоросли. Огромные глаза смотрят настороженно и печально.

Потом сон переносит его в неизвестный шумный дом, кругом смеющиеся мужчины и женщины. Дом кружит вокруг него словно карусель. Он чувствует гнев, но не понимает почему. Шум давит на голову. Хочется бежать, а грохот всё нарастает и заполняет собой всё вокруг: бах, бах!..

Боден дёрнулся, и больное плечо мгновенно сбросило дурной сон.

Бах, бах! Продолжился шум наяву. Это были волны. «Я точно жил не на морском берегу», — угрюмо заметил Боден.

Перевернувшись на другой бок и с головой спрятавшись под одеяло, он уснул уже до утра.

Новый день встретил человека зябкой свежестью. За окном стоял туман, вставать не хотелось. Однако пустой желудок громко выразил своё несогласие, и Бодену пришлось выбраться из своего тёплого укрытия.

В комодѣ нашлись шерстяные штаны и свитер хоть и изрядно поношенный, но довольно чистый, лишь пахнувший чужим табаком. За дверью висела отличная для здешней погоды куртка, под ней - сапоги.

Когда через час Боден сел завтракать кашей с тушёным мясом, из запасов кладовой, оказалось, он сносно готовит. В окне сквозь плотную завесу тумана обозначило своё присутствие солнце. Он подумал, что будет интересно посмотреть на него с высоты маяка, где, вероятно, он увидит куда больше.

Прежде чем подняться на верхнюю площадку маяка, Бодену пришлось преодолеть три яруса. На первом стояли металлические шкафы. Они мерно гудели, мигающим зелёным индикаторам вторили подрагивающие стрелки за круглыми стёклами. Система выглядела отлаженной и почему-то успокаивала.

«Может, зритель приезжает сюда раз в несколько дней, — подумалось ему. — Тем лучше, надо просто дожидаться его».

На втором ярусе хранились книги и журналы с отчётами. Давненько он не видел столько книг в одном месте! «Точно не видел?» — усмехнулся он сам себе. Библиотека — это правильно. Нет более надёжного способа приятно провести время и не сойти с ума от одиночества, чем книги.

Третий ярус — ничего примечательного. Лишь стул, на котором можно отдохнуть. «Только не сегодня!» — мысленно отверг мысль Боден, хотя дыхание у него заметно затруднилось. Он опёрся о поручень локтем и посмотрел вверх — туда, где билось сердце маяка.

Можно быть взрослым человеком с серьёзными взглядами на жизнь, можно пережить в ней настоящий катаклизм — это не отменит того волнения, которое испытываешь от вида маячной комнаты. Огненная точка, куда прилетают с ветром молитвы моряков много столетий, место, где решаются судьбы исполинских кораблей и крошечных шлюпок. Место, где маленький человек превращается в бога.

Боден обошёл маячную комнату по периметру, замирая от восторга, словно турист. Отсюда океан выглядел живым: он нервно дышал, говорил с невидимым собеседником в глубине тёмных вод, рьяно спорил и никак не сдавался.

Оторвав взгляд от воды, Боден решил осмотреть сушу.

Вот место, где он впервые пришёл в себя. Отсюда гладкие камни, весом в несколько тонн каждый, выглядели булыжниками. Под той точкой, где он стоял, океан подходил к маяку максимально близко, но высокое расположение над уров-

нем воды, надёжно оберегало стены башни.

И вот настал момент истины. Он перешёл в противоположную сторону, где земля, приютившая незадачливого путника, предстала во всей своей суровой красоте и ...безысходности. Потому что земля эта – и это было бесспорно – оказалась островом без единого признака человека.

Береговой край, то пологий, то вздымающийся острыми камнями, был обозрим, мал и безлюден. Такой же, как и память несчастного странника, выброшенного в чужой край: местами пуста, словно песчаная отмель, а кое-где резала необъяснимой болью.

Глава 2

Что происходит с человеком в момент, когда ему показывают границы клетки? Когда вероятные возможности и сценарии оказываются перечёркнуты рукой невидимого автора? В фильмах герой обычно падает ниц и, яростно колотя руками по клетке, в этом случае прозрачного стекла, кричит в пустоту, срывая голос.

Боден не был киногероем. Он повернулся в сторону винтовой лестницы, спустился на один ярус, сел на одинокий стул и, глядя в маленькое оконце, стал продумывать варианты.

Итак, на острове нет людей. Смотритель если и есть, то за его пределами. Шанс, что он прибудет с моря, тоже есть. Ведь зачем-то же на маяке оставлены припасы еды и воды. Возможно, за это время вернётся память. По крайней мере,

две недели можно на это честно надеяться. А если никто не прибудет.... «Вот тогда и подумаем над планом Б», — подвёл итог своим размышлениям герой.

Боден решил прогуляться. Открыв дверь на улицу, снова вынужденно вступил в бой с ветром. Но в этот раз, тепло одетый, он отнёсся к причудам природы с весёлостью человека, переживающего занятное приключение. Ему ещё недоставало сил обойти весь остров по периметру — по его оценке это около шести-семи километров вдоль береговой линии. Однако дойти до ближайшей точки, где есть удобный спуск к воде и относительно спокойная заводь, чтобы порыбачить в ожидании хозяина маяка — задача вполне по силам.

Оказавшись в исходной точке, Боден пытался припомнить, что с ним произошло: пришлось ли ему плыть или он был выброшен на берег. Бах, бах!.. — накатывающая вода напомнила ему ночное видение забытого дома и людей. Мысль об этом кружила как надоедливая муха. Он отогнал её усилием воли и занялся исследованием берега.

Чем больше мест он осматривал, тем сомнительней казалась вероятность что-либо поймать. Прибрежные валуны были скользкими — риск сломать ногу или застрять в расщелине слишком велик. В конце концов, он сел на один из камней и погрузился в раздумья.

Поглощённый невесёлыми мыслями, он складывал плоские гальки друг на друга, пытаясь соорудить башню. Оглядел нехитрое творение. «Маяку не хватает главного», — Бо-

ден выбрал камешек с плоским основанием и заострённой вершиной, чтобы тот надёжнее стоял на башенке. Удовлетворённый тем, что вышло в итоге, отряхнул руки от песка и поднял голову к небу.

Солнце достигло зенита и грело лицо быстрее, чем солёный ветер его охлаждал. Это было приятно, и мужчина улыбнулся небесному светилу. В эту минуту он чувствовал себя счастливым ребёнком без прошлого.

После обеда Боден решил провести время с пользой в библиотеке маяка. Может, ему удастся разобраться, есть ли на острове связь с внешним миром. Увы, техническая документация была на языке совершенно незнакомом. Сдвоенные буквы, умляуты — ничего в памяти не подсказывало даже то, как это читать, не то что понять.

Нашлись книги на немецком и английском языке. Но ничего в них не объясняло ни принципов подачи сигналов на маяке, не давало сведений о способах связи. Даже место, где находился Боден, осталось загадкой. Он вспомнил о бумагах под столом в личной комнате и спустился туда.

На корешках книг те же латинские буквы: местами читаемые как английский, местами совершенно чуждая абракадабра. Перебрал гроссбухи и листы разной давности. Самые свежие — 2024 год. Только даты, и ничего более конкретного. От напряжения начала болеть голова. Он ударил журналом об стол и зарычал от бессилия.

Немного поостыв, Боден выбрал из стопки журнал с неза-

полненными страницами, положил на вытянутые ноги, взял ручку и, сидя на полу, сделал запись.

«Я — Боден. Я здесь. Я жив. Это всё, что я знаю. Разве что, сейчас идёт 2024 год или после того».

Странно — от нескольких слов на бумаге наступило облегчение. Так бывает, когда, приступая к большой работе, вбиваешь первый гвоздь. Начало положено, а дальше всё как-то само идёт своим чередом.

Захотелось действий, движения, свободы... Он выскочил из маяка, горя желанием поделиться своими эмоциями с островом.

Широко шагая в высоких сапогах по галечной дорожке, Боден беспрестанно жестикулировал.

«Это только кажется, что ничего нет, понимаешь? Но если подумать, даже просто быть — это ого-го как много!» Ветер замер на время, став его невольным слушателем. «Ты только подумай, ещё вчера я думал, что мне конец! А сегодня я сыт, мне тепло, и я гуляю по пляжу. Надо просто взглянуть на происходящее с другой стороны». Ветер соглашался, игриво подталкивая его в спину.

Внезапно мужчина остановился, как перед невидимой преградой. На его лице читалось недоверие. Он потёр глаза большим и указательным пальцами. Снова взглянул вперёд — в то место, где ещё утром соорудил башню из камней. Сомнение сменилось испугом.

Рядом с его башней — он хорошо запомнил этот заострён-

ный треугольник – была выстроена другая, такая же. Он медленно начал обходить сооружение, не решаясь приблизиться. Подойдя ближе к каменному краю, не выпуская из поля зрения аномалию, быстро заглянул за большой валун. Никого. «Эй!» — зачем-то крикнул Боден. Только ветер откликнулся, да волна брызнула в лицо солёной взвесью.

Убедившись, что рядом нет шутников, играющих с ним злую шутку, он подошёл ближе, присел перед творением неизвестного автора. Башни казались абсолютно одинаковыми только на первый взгляд. Отличие всё же имелось. Верхний камень плоский, светло-серого цвета, лежал плашмя на пирамидке. Он взял его в руку, заметил сверху царапины. Помусолил палец и протёр гальку. На потемневшей поверхности явственно проступила надпись «Б+К».

В голове вспыхнуло. Он упал на пятую точку, затряс головой, сию секунду побороť накрывшую тошноту. В голове зазвенел смех. Это был смех девушки.

«Это же гурий! Нельзя его разрушать. С его помощью можно отправить восточку тому, кого любил, и кто уже далеко», - донеслось из прошлого.

Глава 3

Боден не мог придумать объяснения тому, что видел, и это мешало радоваться первому вернувшемуся воспоминанию. Он не мог найти себе места и просто пошёл вдоль берега. Волны то осторожно напоминали о себе, перекатывая мелкую гальку, то вздувались и прыгали к нему, как бы задавая

прямой вопрос, что дальше?

Пленник острова брёл, не разбирая дороги. Он целиком погрузился в единственное напоминание о прошлой жизни. Женский смех как струйка воды, бьющая в жестяной таз, долгий, переливчатый. Маленький острый подбородок, выглядывающий из-за развевающихся светлых прядей. Тонкие пальцы, смахивающие непослушные волосы с лица. Щёлочки глаз, прячущиеся от яркого солнца....

«Кристина!..» — поймал едва уловимое имя девушки-призрака. Он повторил его ещё несколько раз, играя буквами имени на языке, смакуя звук на зубах, пока не убедился, что имя естественно и легко ложится в ложбинку памяти.

Кем была девушка Бодену, он пока не мог ответить. Но откуда-то знал, что это был самый счастливый март в их жизни.

Вечером того же дня он добавил запись в журнал.

«Мы были с Кристиной в марте на море и делали башенку из камней. Она назвала её «гурий», и это слово казалось таким глупым. Её волосы, глаза, смех были прекрасны. Я думал, что Кристина – моя гурия».

За ужином Боден не переставал думать о девушке из прошлого. Приходилось ли им есть макароны с мясом из банки, какие он сегодня приготовил из нехитрых запасов, или они выбирались вместе в какое-нибудь уютное место, коротая время за весёлой болтовнёй? Он вспоминал её смех. Наверняка он старался смешить Кристину, чтобы увидеть лишний раз забавные глаза-щёлочки.

«Не о том думаешь, Бо! — напомнил себе мужчина, переключая мысленно внимание на происшествие у воды.

«Это же гурий! Его нельзя разрушать...»

И смех в голове снова сбивал с толку.

А потом грудь накрыло бетонной плитой. Бодена охватила необъяснимая тревога. Стоило только подступиться дремоте, как он тут же оказывался среди шума в незнакомом доме. Его обступали люди, омерзительные в своей весёлости.

Он вскакивал с кровати, призывая умиротворяющий образ Кристины, но в следующем сне приходило незнакомое существо с мертвецки бледной кожей, печально смотрело на него, и следом снова наступала какофония звуков. В конце концов, он увидел лежащим себя на берегу, продрогшим до костей, укрытым водорослями, словно рыбацкой сетью. Тонкие руки ласково гладили его по щеке.

«Кто ты?» — спросил он незнакомку во сне. Она приоткрыла рот, желая ответить, и в следующий миг из её рта вырвался оглушительный трубный рёв, от которого Боден мгновенно проснулся. К его ужасу, звук перешёл в реальность. Он проникал в каждую клетку, просачивался сквозь кожу и стены, заполнял черепную коробку, не оставляя место ничему, кроме животного страха.

За стенами башни океан на пару с ветром исполнял танец смерти. Маяк гудел, стонал, с жалобными стонами отбивался от яростных ударов стихии. Через минуту рёв неизвестного исполина стих, но природа не прекращала попыток до-

браться до маленькой букашки внутри маяка. Мучения продолжились до полудня следующего дня.

Природа и человек лишились сил одновременно. Первая оставила от бессонной ночи берег, усыпанный раковинами, рыбой и водорослями. Второй разметал по кровати руки-ноги.

Когда Боден открыл глаза, то уже знал, что мучило его во сне.

Задумывались ли вы когда-нибудь, что такое адские муки? Нынче вряд ли найдётся кто-то, кто ещё верит в кипящие котлы. В эру, где психотерапия стала обыденностью, а жизнь представляется следствием детских травм, самое страшное не черти с вилами, стоящие вокруг мифических сковородок. У такого наказания, как ни крути, есть ощущение конечности. К тому же можно кричать мучителям, что тобой руководили благие намерения. Люди любят оправдывать дерьмо.

Другое дело — самобичевание. Нет более сурового палача, чем собственная совесть. Она грызёт медленно-медленно, смакуя каждую деталь, обгладывая каждую мелочь, сохранившуюся в закоулках памяти.

И если вырвать поступок из контекста жизни, отняв у человека память, не оставив возможностей для самооправдания, показав действие в очищенном от эмоциональных примесей виде — что тогда? Вчера ты — пенсионерка, укравшая йогурт из-за нищенской пенсии, сегодня просто вор. Вчера

ты — паренёк, спасающий мать от отца-тирана, сегодня просто убийца. И ни одной зацепки, что крикнуть своему встроенному палачу спасительное: «У меня не было выбора!».

Если вы сможете представить это, то сможете понять и нашего героя, который пролежал без движения с открытыми глазами несколько часов. Он допускал, что у злости в забытом шумном доме есть причина. Люди ему были неприятны — наверное, они предали его или обидели чем-то. Но увидеть в зеркале правды собственное отражение и ничьи другие лица, кроме собственного, был не готов.

Глава 4

«Я убил Кристину. Точнее, моё предательство убило. Я оставил её, когда она во мне нуждалась. Не помню почему, по какой причине. Помню, что она пыталась звонить, писала сообщения, в то время как я отрывался в компании приятелей. Алкоголь, тупое веселье, незнакомые бабы... Всё это до той минуты пока... пока не прочитал последнее смс от неё: «Увидимся в следующей жизни».

Помню, как трудно было выбраться из пьяной гогочущей толпы, где каждый считает своим долгом удержать тебя, схватить на плечо, обнять, а ты отталкиваешь ненужных людей локтями и даже готов дать в морду следующему, кто встанет на пути. Всё потому, что слова на подсветившемся экране — ты чувствуешь это нутром — не блеф, не попытка манипулировать или заставить прибежать.

В одну секунду я понял, что она тонет. По-настоящему.

Уже давно. Просто не хотел этого видеть, думал, что выкарабкается сама, как и я. Чушь собачья! Мы оба тонули в нашем горе. Я топил себя в океане незнакомцев и алкоголя. Она — в нашей ванной. Я узнал об этом час спустя. И я даже не помню теперь, что именно с нами произошло и почему всё полетело к чёрту...»

На этот раз запись в журнале не дала облегчения. Боден принял приговор из прошлого, не имея ни малейшей возможности оправдаться. Здесь, на маленьком острове, он сам был обвинителем, судьёй и надзирателем.

Напротив Бодена на подоконнике беззвучно кричала металлическая чайка, распростав изломанные крылья. Он взял увесистую фигурку и отправился на вершину маяка.

Мир был сер. Океан ещё не очнулся от ночного безумства. Ветер унёсся в неизвестном направлении. Сколько хватало глаз лишь хмарь, в которой небо, вода — всё одно.

Мужчина поставил статуэтку на уступок под лампой.

«Кричи! — скомандовал он чайке, подначивая развёрнутыми руками. — Давай!»

Тишина. Внешний мир поставили на паузу.

Подражая птице, он изогнул и вытянул шею, широко расставил руки, растопырил пальцы, словно натянутые струны, и раскрыл рот. Вены на висках вздулись, лицо побагровело, в уголках глаз выступили слёзы. Он иступлённо кричал, не издавая ни единого звука. Ведь если бы даже он издал трубный рёв, как маяк, ставший ему тюрьмой, возлюбленная не

услышала бы его.

Истощив себя, отступил к стеклу, служившему барьером от птиц и ветра. Перекатываясь по нему, как по жёлобу, он кружился в безумном танце. Глаза выхватывали из мира случайные кадры: сгусток тучи, отражающее зеркало фонаря, острый выступ камня у подножия маяка, чайки, сидящие на воде, чайка на металлической ножке...

Как вдруг, взгляд задержался на странном движущемся пятне. За валуном, неподалёку от места, где он нашёл две башенки, кто-то или что-то всплеснуло белой конечностью. Боден подошёл ближе к стеклу, напряжённо вглядываясь, наклоняясь и злясь на камни, что мешали рассмотреть силуэт. Затем округлил глаза, ругнулся и ринулся вниз.

«Эй! — размахивал он руками, подбегая к берегу. — Эй!»

Всего на мгновение существо с мертвецки бледной кожей и большими глазами приподнялось над валуном, подтянувшись сильными руками, а затем стремительно ушло в воду, окатив его брызгами.

«Стой же!» — шёпот перекрыл шум набежавшей волны.

Боден стоял по колено в воде, желая ещё хоть раз увидеть девушку из своего сна. В том, что существо женского пола, он не сомневался, потому как успел различить грудь, полуприкрытую длинными прядями спутанных волос.

Беглянка больше не показалась. Однако мужчина остался на берегу до самой темноты, время от времени подавая го-

лос.

«Я помню тебя. Это ты укрывала меня, когда я лежал без сознания. Я просто хотел поблагодарить тебя и, возможно, спросить, как я здесь оказался».

Океан был нем. Надо было возвращаться, пока дорожка к маяку была ещё различима. Он повернулся и, поддавая ногой гальку, зашагал обратно. В это же самое время за его спиной показалась голова, и два большие глаза внимательно смотрели вслед уходящему человеку.

Если бы не это происшествие, неизвестно, как завершился бы день для мужчины, готового было стать себе палачом. Но как свет маяка в кипящем море спасает отчаявшихся мореплавателей, так загадочное существо стало крохотным огоньком надежды для пленника острова.

Он, не переставая, думал, как вызвать доверие к себе у морской жительницы. Одна мысль показалась ему менее паршивой, чем остальные. Для её воплощения он вновь потянулся к журналу, но на сей раз чтобы вырвать из него страницу.

Утром следующего дня Боден, подкрепившись кашей, снова пошёл к валуну. Он водрузил несколько плоских камешков друг на друга, соорудив некое подобие вазы, и поставил в неё бумажный цветок, придавив конец стебля ещё одним камушком, чтоб подарок не унесло порывом ветра.

«Все девушки любят цветы, — рассудил он. — Будь они

хоть с другой планеты».

Посидев ещё какое-то время на камне, решил, что его присутствие только отпугнёт гостью, и отправился восвояси.

Ждать всегда трудно, особенно если не знаешь сколько. Боден взял зачем-то из библиотеки книгу на немецком языке и стал следить за берегом. Там ничего не происходило, и мужчина нетерпеливо стучал корешком Ницше по ладони. По морской глади, соревнуясь, бежали барашки. Время от времени они создавали иллюзию присутствия чего-то ещё.

В глазах начало рябить, и наблюдатель сдался. Он спустился ниже, туда, где стоял стул, сел, открыл книгу на случайной странице и прочитал *Ewige Wiederkunft*. Вряд ли он смог бы осилить всего Ницше, не настолько хороши были его познания в немецком. Но понять это словосочетание он смог — «вечное возвращение». Он тяжело вздохнул: «Если бы...»

Глава 5

Следующую неделю двое, человек и жительница океана, играли в прятки. Правила одно: оставить подношение, не будучи замеченным. Первым подношением Бодена стала кружка с маяка. Он нарисовал на ней синей краской рыбу. Наутро он получил настоящую морскую рыбу. Она была хороша! Тёмно-красное горбатое тело украшали плавники такого же насыщенного цвета. Зелёный рот по форме больше напоминал кусачки или клюв попугая, к тому же имел весьма впечатляющие зубы. Ах, как жаль, что он не был силён в назва-

ниях морских рыб!

Следующим подарком новой знакомой стала расчёска. Маленький гребень из пластмассы с блестящими вкраплениями был найден в комодке среди вещей. По мнению Бодена это была очень полезная вещица для той, чьи волосы куда длиннее его собственных.

Ответным жестом стали огромные устрицы. Для них обитательница моря выкопала небольшую ямку, устлав её водорослями. Он не сразу понял, с чем имеет дело, так как никогда прежде не видел таких огромных раковин, снаружи больше похожих на камни. Боден приготовил устрицы на огне. Не было у него в запасах ни лимонов, ни вина. Зато был инструмент, чтобы справиться со створками, и ужин вышел превосходным.

Носовой платок в качестве преподношения Боден отнёс к берегу не без сомнений. Эта молчаливая игра была куда сложнее, чем могло показаться на первый взгляд. Как угодить тому, кого совсем не знаешь. Даже планируя подарок близкому человеку, порой приходится поломать голову, а тут...

Мужчина решил, что с платком будет куда сподручнее собирать на дне морском те же устрицы или... «Это просто смешно! Я пытаюсь рассуждать как человек. Может, она и не собирает там ничего. С другой стороны, она же принесла для меня устрицы. Думаю, это было не очень удобно, плыть и держать их руками одновременно», — он рассмеялся сво-

им мыслям сначала коротко, потом, не в силах остановить-
ся, долго, судорожно, зажмурившись, удерживая проступив-
шие слёзы пальцами. Каким же глупцом, он, должно быть,
выглядел сейчас! Кристина непременно сказала бы, какой он
Бармалей.

Боден осёкся: «Бармалей? Да! Именно так она звала меня
всякий раз, когда я, по её мнению, вёл себя как мальчишка». На автомате промокнул глаза платком, опомнился, мысленно махнул рукой: «Всё равно отличный подарок!» Положил повыше, придавив кусочек светлой ткани камнем.

Платок был хорошо виден с вершины маяка. Его край трепыхался на ветру, ожидая новую хозяйку. Она появилась до темноты, заставив Бодена сначала прильнуть к стеклу, но поостеречься и наклониться ниже, чтоб не спугнуть гостью.

Он впервые смог рассмотреть девушку. Очень подвижная: её тело буквально каждое мгновение меняло положение. В движениях тела полная раскованность существа, никогда не задумывавшегося о своей наготе. Голова то наклонялась, то выдавалась вперёд, с любопытством рассматривая незнакомый предмет. В какой-то момент она повернула лицо так, что показалось, будто она видит его. Боден был не в силах двинуться с места, замороженный встречей с чем-то столь новым.

В следующий миг одаренная взяла платок, поднесла к лицу, отодвинула, выпрямив руку, рассматривая его со всех сторон. Затем легла на спину, предоставив мужчине на мая-

ке возможность любоваться собой.

Существо имело полностью человеческое строение тела без рыбьего хвоста или каких-то плавников. Только цвет кожи неестественно прозрачный, слишком белый, даже голубоватый, с заметной картой красноватых вен, выдавал неземное происхождение девушки. Бодену показалось, что ноги были немного темнее, чем грудь и руки. Глаза огромные. Когда пряди волос спали с лица лежащей девушки, это стало особенно заметно. Словно муляжные, только без белков, окрашенные в один непроницаемо чёрный цвет, отчего было трудно понять, какое впечатление произвёл на неё подарок.

Похоже, что гостя была полностью уверена, что её никто не видит. Она положила платок на лоб и стала махать широко раскинутыми руками вверх-вниз. Затем села, привязала платок прядью волос. Именно так: не платок к волосам, а наоборот, волосы завязала узлом вокруг платка. Такая простая, нечеловеческая логика. И до ушей тайного наблюдателя донёсся едва уловимый звук: «Иилль, иилль...» Хотя это могла быть и птица. После чего девушка одним стремительным движением опрокинула себя в волны.

«А Бармалей на что-то годен», - улыбался мужчина произведённому подарком эффекту, медленно спускаясь вниз по винтовой лестнице.

Следующим утром он решил пожертвовать маленьким зеркальцем, перед которым так удобно было бриться. В кон-

це концов, бороде можно позволить отрасти, в этих местах так даже лучше. Вечно обветренное лицо начало утомлять.

На большом валуне его ждал... платок.

Это было неожиданно и успело слегка расстроить. Но то, что казалось просто скомканной тканью, оказалось связанным узлом. Внутри было явно что-то ещё! Он устроился на валуне, свесив ноги, положил платок на колени и стал аккуратно развязывать. Внутри лежали жемчужины, каждая не меньше ногтя большого пальца, всего девять. Он выложил их на ладонь.

Тяжёлые, прохладные — он понимал, какое это чудо само по себе. Но всё же более изумляло то, что этот дар преподнесло существо из иного мира в платке, которым он сам его одарил. Даже контакт с пришельцем из далёкого космоса не потряс бы его сильнее. Ведь это существо всегда жило здесь, на Земле, может быть, тысячи лет, и он первый, кто завёл с ним дружбу.

Он сжал жемчужины в руке, ощущая их приятное шуршание, затем ссыпал в карман куртки. Из другого достал зеркальце. В последний раз взглянул в него — оттуда смотрел мужчина с морщинами в уголках глаз, в глубине которых кожа выглядела более бледной, нос шелушился, нижняя губа треснула и уже не кровоточила.

Естественный свет дня показал ему цену пребывания на острове.

Хорошо, что ему больше не придётся этого видеть, решил

Боден, завернул зеркало в платок и положил туда, где только что сидел сам. Он сделал несколько шагов в направлении маяка, прислушиваясь — не даст ли знать о себе подружка из морской пучины. Волны бились и шипели, перекатывая гальку. Невдалеке кричали недовольные чайки. Ничего необычного. Он, не оглядываясь, пошёл дальше.

Глава 6

Ночь прошла беспокойно. Тяжёлые сны, хоть и не так, как прежде, но возвращались, отвешивая хлёсткие пощёчины по памяти. Боден поднимался, заваривал кофе в большой чашке, забирался в небо и долго смотрел в черноту, где дышал океан. Потом он думал, что океан видит его — маленького человечка в свете лампы, словно комара, забравшегося в фонарь. От этого ощущения живой стихии, в тысячу раз превосходившей его по силе, становилось неуютно, и он спускался в свою нору.

Проснувшись окончательно под оголтелые крики чаек, Боден оделся и вышел прочь.

Вдалеке на берегу сидела она.

Мужчина помешкал, потом начал неспешно двигаться к берегу. Под ногами шуршала и цокала потревоженная галька. Девушка не могла не заметить его приближения, но продолжала задумчиво перебирать пряди волос длинными пальцами. Её взгляд был направлен вверх, к танцующим в серых просторах чайкам. Боден постоял возле соседнего валуна, изучая птиц, пытаясь понять, что такого видит в них его

подруга. Потом забрался на него, лёг, растянувшись спиной, раскинув руки по сторонам.

Приходилось ли вам когда-нибудь смотреть в небо, позабыв о земле, других людях, обо всём, что составляет привычный образ жизни? Когда все правила, весь взгляд на вещи переворачиваются с ног на голову, когда исчезают все рамки, в которых вы живёте годами? Остаётся лишь чистый лист с запятыми птиц, снующих где-то там, под облаками, свободных от любых условностей. И если следить за одной из них достаточно долго, кажется, что ты сам и есть птица. Это ты пишешь взмахами крыльев свою историю, которую не в силах ни прочесть, ни объяснить. Да и не надо. Можно просто лететь: без правил, без чувства вины, без сожалений.

Вот о чём думал наш гер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.